Автор: Coiwyn
12.06.2007 21:14 -

Типы этнической идентичности

Первая - наиболее естественная для человека — стратегия состоит в стремлении сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности. Для этого они используют стратегию социального творчества, состоящую в пересмотре критериев сравнения. В качестве основных форм этой стратегии выступают:

а) поиск новых оснований для сравнения. С проявлением данной стратегии мы встречаемся в автостереотипах групп, потерпевших поражение в экономическом соревновании. Группы с более низким статусом имеет тенденцию характеризовать себя с точки зрения теплоты и добросердечия. Например, в российско- финском исследовании, проведенном в середине 90-х гг., нами было установлено, что московские старшеклассники воспринимали представителей своей этнической общности (русских) как гостеприимных, общительных, отзывчивых и щедрых. А финны в их представлении оказались стремящимися к успеху, деловитыми, предприимчивыми, аккуратными и добросовестными, т.е. обладающими качествами, которые способствуют достижению успеха в делах, но в России традиционно занимают низкие места в иерархии личностных черт как ценностей (Андреева и др., 1997). Другой пример успешного использования новых критериев для сравнения — движение «черное — это прекрасно» в 70-е гг. в США, которое поспособствовало тому, что идентичность афромериканского меньшинства стала намного более позитивной, а маленькие черные дети перестали выбирать белых кукол как наиболее привлекательных и похожих на них.

б) выбор для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп и восстановление таким путем субъективного благополучия. Так, восточные немцы после воссоединения Германии оказались на более низкой ступени социальной иерархии, чем западные, но свое недовольство они направили не на могущественное государство и не на доминантную группу западных немцев. Для сравнения они нашли еще более уязвимые группы иностранных рабочих (вьетнамцев, турок и т.д.). С этим связан рост предубеждений и агрессивных актов против иностранцев в восточных землях ФРГ.

О При принятии этнической идентичности члены групп дискриминируемого меньшинства могут выбрать и другую стратегию — принять правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой группы. При этом у них формируется негативная этническая идентичность. Но принимая негативную самоидентификацию, человек может по-разному реагировать на негативные суждения о своем этносе. Он может относить их к другим членам своей группы, но не к самому себе, установив психологические границы между ними и собой.

Нечто подобное обнаружил В.С. Собкин у еврейских подростков, которые при переходе от подросткового возраста к юношескому проявили тенденцию «разотождествления» перспектив своего народа в России и своих собственных: увеличилось число тех, кто считает, что для евреев нет перспектив в России, но выросла доля оптимистов относительно своих жизненных перспектив (Собкин, 1995). На наш взгляд это именно проявление рассматриваемой стратегии, а не показатель «психологической ассимиляции» — утраты этнической идентичности.

Сохранение себя как особой группы допускает и формирование идентичности по негативному принципу: «пусть мы такие плохие, но это действительно мы». Подобное аффективное подчеркивание принадлежности выявлено во Франции у выходцев из стран Северной Африки.

Третья стратегия состоит в попытке сменить группу. Если рассматривать этнос как биосоциальный организм, то он оказывается группой с нулевым уровнем межгрупповой мобильности: никто не может выбирать этническую группу, к которой хотел бы принадлежать, этничность есть наследуемое качество. Однако в наше время редко кто, придерживаясь столь крайней точки зрения, определяет этническую принадлежность человека по «крови». Большинство исследователей считает ее скорее приписываемым, чем наследуемым качеством. Как уже отмечалось, в процессе социализации и инкультурации общество «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате у большинства людей проблемы выбора не возникает, но многие, прежде всего члены групп меньшинства и выходцы из межэтнических браков, проходят через «постоянный внутренний референдум» на лояльность к той или иной общности. У них в процессе этнической идентификации кроме критерия приписывания (то, кем другие их воспринимают) большую роль играет и критерий внутреннего выбора (то, кем они сами себя осознают). Весьма современно звучат слова замечательного русского ученого Г.Г. Шпета о том, что принадлежность человека к народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к тем культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание истории народа: «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять не «произвольно», а путем долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего его духовного уклада» (Шпет, 1996, с.371).

Критерий приписывания особенно важен, когда этничность проявляется в очень явных физических характеристиках, например расовых различиях. Даже люди, имеющие объективные основания причислять себя к какой-либо общности, например дети из смешанных в расовом отношении браков, часто оказываются чужими для нее: кем бы сам себя не осознавал мулат, для белых он — африканец, а для черных — белый. Много примеров подобной несбалансированности двух указанных критериев мы найдем в художественной литературе. Раскрытию этой проблемы посвящен роман современного американского писателя Т. Корагессана Бойла «Восток есть Восток». Герой романа, сирота, не знавший отца-американца, и в раннем детстве потерявший мать-японку ищет и не находит Родину-мать. В Японии Хиро Танака оказался вечным чужаком:

«Длинноносый. Маслоед поганый. Эти оскорбления преследовали его всю жизнь. Он рыдал на руках у бабушки после детского сада, был козлом отпущения в начальных классах, в средней школе его без конца лупили, а из морского училища,… пришлось уйти, потому что соученики не давали ему прохода. Они называли его гайдзином, «иностранцем»

(Корагессан Бойл, 1994, с. 12).

Хиро мечтал воссоединиться с многоплеменным американским народом. Но когда он попадает в США, американцы тоже ненавидят его и — в силу трагического стеченья обстоятельств — травят, травят в буквальном смысле слова, как дикого зверя:

«Поймали, затравили. Наставили ружья, напустили собак… Ведь он, в сущности, одной с ними породы, вот в чем все дело-то, неужели они не поняли? Тоже из их своры. Но не видят, не чувствуют. Надели наручники, дали под дых, извергли, плюясь, поток ругательств, и только ненависть он увидел в холодных водянистых глазах» (Там же, с. 108).

Когда явных межгрупповых различий нет, «приписывание» и внутренний выбор человека могут оказаться в согласии: группа примет индивида, даже если по крови он — «чужой». Человек, родители которого по паспорту белорусы, родившийся и выросший в Москве, воспитанный в русской культуре, может легко осуществить свой свободный выбор: он не только сам может осознавать себя русским, но его родной язык, поведение и внешний облик не мешают окружающим отнести его к этой этнической общности.

Три рассмотренные стратегии — идентификация со своей группой (поддержание позитивной этнической идентичности или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с доминантной группой — соответствуют линейной модели идентичности. В реальности члены группы меньшинства или выходцы из межэтнических браков имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из групп. Так, модель двух измерений включает четыре варианта этнической идентичности, при которых индивид с разной степени интенсивности идентифицирует себя с одной, двумя или даже несколькими этническими общностями (Berry et al., 1992).

Для большинства индивидов характерна моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнопринадлежностью. Как и другие варианты идентичности она проявляется в многочисленных уровнях интенсивности. При благоприятных социальноисторических условиях позитивная этническая идентичность сопровождается чувствами гордости, достоинства, оптимизма, уверенности, удовлетворения, патриотизма (Науменко, 1997). Кроме того, в многочисленных исследованиях доказано, что существует «тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью» (Лебедева, 1997). В то же время гиперидентичность со «своим» этносом в полиэтническом обществе сопровождается этноцентристскими стереотипами, предубеждениями по отношению к представителям других этнических групп и уклонению от тесного взаимодействия с ними. Так, в уже упоминавшемся исследовании,

проведенном в Казахстане, у моноэтничных казахов субъективно предпочитаемая социальная дистанция общения с представителями русского этноса оказалась достаточно велика. Для них характерна низкая толерантность к русским в сфере близкого общения (практически все они против того, чтобы русские были их родственниками или членами семьи). Эти результаты подтверждаются и завершениями незаконченных предложений: 77,6% респондентов исключают возможность своего брака с русскими, а 19,5% предвидят распад такого брака. Негативные аттитюды к русским и высокий уровень внутригруппового фаворитизма особенно ярко проявились в том, что 71,6% респондентов обиделись бы, если бы им сказали, что по характеру они похожи на русских (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой или смена этнической идентичности, как уже отмечалось, возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе «чужая» группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и т.д. статус, чем «своя». Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой ведет к полной ассимиляции, т.е. принятию традиций, ценностей, норм, языка чужой группы вплоть до — при условии принятия индивида группой — полного растворения в ней.

Сильная идентификация с обеими взаимодействующими группами ведет к формированию биэтнической идентичности. Имеющие такую идентичность люди обладают особенностями обеих групп, осознают свое сходство с обеими культурами. Казахи-билингвы нашего исследования идентифицировались не только с казахским, но и с русским этносом: они приписывали себе качества, характерные, с их точки зрения, как для типичного казаха, так и для типичного русского, а более половины из них (58,5%) соглашались, что по характеру они похожи на русских. Результаты продемонстрировали отсутствие у них и «казахского» внутригруппового фаворитизма, и негативных аттитюдов к представителям русского народа (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

Множественная идентичность наиболее выгодна для человека, она позволяет ему использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Таких людей называют посредниками или мостами между культурами. Осознание и принятие своей принадлежности к двум этническим общностям благотворно сказывается и на личностном росте выходцев из межэтнических браков. Прекрасно сказала об этом Н.Н. Берберова, армянка по отцу и русская по матери:

«Я давно уже не чувствую себя состоящей из двух половинок, я физически ощущаю, как по мне проходит не разрез, но шов. Что я сама есть шов. Что этим швом, пока я жива, что-то сошлось во мне, что-то спаялось, что я-то и есть в природе один из примеров спайки, соединения, слияния, гармонизации, что я живу недаром, но есть смысл в том, что я такая, какая есть: один из феноменов синтеза в мире антитез» (Берберова, 1996, с. 51).

Но возможна и слабая, четко не выраженная этническая идентичность как со своей,

так и с чужой этническими группами — маргинальная этническая идентичность. В этом прискорбном случае человек колеблется между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты. И именно поэтому внешне они могут быть агрессивно настроенными националистами — в пользу своей или в пользу чужой группы, в зависимости от того, которая из них имеет более высокий статус в обществе. Это обнаруживается в повседневной жизни, и это подтверждено результатами эмпирическими исследований. В исследовании, проведенном в Казахстане, маргиналы, плохо владеющие казахским языком и не включенные полностью в русскую культуру, оказались склонными к предубеждениям в отношении русских. Судя по ответам, они избегают близких форм социального контакта с русскими, очень осторожно относятся к тому, чтобы те были их родственниками и членами семьи. 45% считают, что при браке с русскими будут проблемы с родственниками, 25% исключили саму возможность подобного брака, а 25% затруднились с ответом, то есть испытывали дискомфорт и колебания. Демонстрируя достаточно негативные установки в отношении межэтнических контактов, а, следовательно, предпочтение внутригрупповых контактов, маргиналы пытаются решить конфликт этнической идентичности (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

Но и модель двух измерений не описывает всех возможных стратегий сохранения человеком внутреннего благополучия при неблагоприятном сравнении его этнической общности с другими. Правда, имплицитно этот вариант заложен в ней: если существуют разные уровни осознания своей принадлежности к одной или нескольким этническим группам, значит возможен и его нулевой уровень. Иными словами, возможна слабая, четко не выраженная этническая идентичность или даже ее полное отсутствие, по крайней мере, на осознаваемом уровне. В качестве стратегии сохранения личностного благополучия она проявляется в отрицании значимости этнического фактора и как в своей жизни, так и в обществе в целом (Шлягина, Данзаева 1997).

Подобная стратегия позволяет членам групп меньшинств сохранить позитивную идентичность, исключив из нее вызывающую беспокойство идентичность этническую.

Во-первых, она может проявляться в предпочтении личностной идентичности перед этнической и социальной в целом, в осознании себя прежде всего уникальным индивидом, а не членом группы.

Во-вторых, возможна переструктуризация социальной идентичности с вытеснением из нее этнической идентичности. Проявление этой стратегии было обнаружено в уже упомянутом казахстанском исследовании: при заполнении теста Куна — Макпартланда «Кто я?» этническую принадлежность намного чаще указывали респонденты, компетентные в казахском языке(71,6%), чем не владеющие им (12,5%). Иными словами, респонденты с низким уровнем компетентности в казахском языке, чувствуя некоторую «ущербность» в качестве членов этнической группы, стремились защитить свою самооценку, вытесняя из структуры самокатегоризации этническую принадлежность и заменяя ее другими категориями (см. Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

Какие категории использует индивид, чтобы уйти от переживаний, связанных с принадлежностью к этнической группе? При формировании социальной идентичности он может опираться на гражданскую идентичность. Или причислять себя к широким наднациональным общностям — европейцам, азиатам, гражданам мира, т.е. декларировать космополитическую идентичность. Однако вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее важнейших составных частей — этнической идентичности — грозит, с одной стороны, потерей целостности Я- образа, а с другой — потерей связей с какой бы то ни было культурой. Утрата этнической идентичности может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом, что долгое время проявлялось, например, в негритянском ощу щении «я — никто», невидимости, безымянности, безликости (см. Эриксон, 1996).

Описывая способы сохранения позитивной этнической идентичности, я сознательно опустила еще одну возможную стратегию — коллективную стратегию социальной конкуренции. В этом случае позитивные различия устанавливаются в прямом соревновании, и в случае победы группа может занять более высокое положение в обществе. К сожалению, когда законные интересы одного народа по поддержанию позитивной этнической идентичности сталкиваются с интересами других народов, социальная конкуренция очень часто перерастает в ситуации межэтнической на-пряженности. Дело доходит до открытых межэтнических конфликтов и кровопролитных войн. В 90-е гг. среди самых ожесточенных можно выделить столкновения между сербами и хорватами в бывшей Югославии, между народностями тутси и хуту в африканских государствах Бурунди и Руанде, между абхазами и грузинами и между азербайджанцами и армянами на территории бывшего СССР. Но поиски психологических причин межэтнических конфликтов и влияния на них процесса этнической идентификации требуют серьезного рассмотрения и выходят за рамки проблематики данной статьи.